

НАУМЕНКО Владимир Емельянович
кандидат исторических наук, профессор,
начальник отдела комплексных проблем изучения культуры
Южного филиала Российского научно-исследовательского
института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева
Краснодар, Россия

Vladimir E. NAUMENKO

Cand. Sci. (National History), Prof., Head, Department for Complex Problems
of Cultural Research, Southern Branch
of Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage
Krasnodar, Russia
naumenko@rambler.ru

Региональные программы сохранения историко- культурного наследия Юга России: учет особенностей

Regional Programs for the Preservation of the Historical and Cultural Heritage in the Southern Russia: Accounting the Features

Анализ региональных программ субъектов Российской Федерации, расположенных на Юге России свидетельствует об особой специализации ряда регионов в вопросах сохранения историко-культурного наследия, что влияет на формирование нормативной базы и стимулирует активность граждан в решении этих вопросов. В статье в порядке постановки проблемы предлагается ряд подходов, которые желательно учитывать при формировании подобных целевых программ.

Ключевые слова: Юг России, региональные программы, сохранение историко-культурного наследия, учет особенностей, субъект.

Analysis of the regional programs of the subjects of Russian Federation, located in the South of Russia, testifies to the particular specialization of some regions in the preservation of the historical and cultural heritage. It affects the formation of the regulatory framework and stimulates the activity of citizens in the solving of these problems. As a problem statement the author suggests a number of approaches that are desirable to take into account in the formation of such targeted programs.

Keywords: South of Russia, the regional programs, the preservation of historical and cultural heritage, taking into account the features, the subject.

Историко-культурное наследие в современных условиях стало не только средством передачи потомкам материального и духовного богатства наших предков, что само по себе играет важную роль в формировании условий и средств человеческого общения и сохранения исторической памяти. Оно стало важнейшим условием единства национально-культурного пространства как регионов, так и страны в целом.

В связи с этим в настоящее время огромную актуальность приобретает анализ

проблем сохранения историко-культурного наследия в контексте законотворческой деятельности государства на федеральном и региональном уровнях.

Решение вопросов охраны культурного наследия в субъектах Российской Федерации – важная составляющая этнокультурной политики, в рамках которой данные вопросы «должны быть конкретизированы и увязаны с территориальными проблемами» [2].

Юг России включает субъекты, различающиеся по уровню экономического и со-

циально-культурного развития, что связано с различными природно-географическими особенностями, историей, спецификой условий ведения хозяйственной деятельности. Вместе с тем в результате многовекового пребывания в рамках российской государственности здесь накоплен значительный опыт эффективного и результативного взаимодействия региональных сообществ, что «обеспечивает немалое число их общих характеристик» [2].

Применительно к сохранению историко-культурного наследия опыт региона находит выражение в региональной политике – «в особой специализации ряда регионов на сохранении и использовании природного и культурного наследия» [20, с. 6].

Такой подход находит отражение в принятии региональных программ по сохранению историко-культурного наследия. Программы в области культурной политики, по мнению Л. Е. Вострякова, формируют «нормативную основу для принятия управленческих решений и стимулирования культурного поведения граждан в этом культурном пространстве» [5].

На наш взгляд, подобный подход соответствует положению пункту 5 Конвенции об охране Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО, рекомендуя государствам-участникам «...проводить общую политику, направленную на придание культурному и природному наследию определенных функций в общественной жизни и на включение охраны этого наследия в программы общего планирования» [9].

Практически во всех субъектах Юга России приняты программы сохранения историко-культурного наследия разного уровня. Часть субъектов (Карачаево-Черкесия, Дагестан, Ингушетия, Северная Осетия-Алания, Астраханская область) приняли государственные, областные целевые программы, некоторые (Республика Адыгея, Волгоградская область) реализуют ведомственные программы. Так, в Краснодарском крае ведомственная целевая программа «Сохранение культурного наследия Краснодарского края» на 2013–2015 гг., с января 2014 г. отменена как не вошедшая ни в одну

из государственных программ Краснодарского края. При этом в крае действует долгосрочная краевая целевая программа «Сохранение и воссоздание объектов культурного наследия культового назначения и поддержка социально ориентированных религиозных организаций в Краснодарском крае» на 2012–2016 гг.

В основу практически всех республиканских, областных, краевых программ заложена идея, согласно которой культурная деятельность является одним из базовых факторов социально-экономического развития регионов. В то же время это отнюдь не означает, что для всех регионов предлагается один универсальный рецепт в решении проблем сохранения историко-культурного наследия. Несмотря на многие общие черты, каждый регион уникален и имеет свои специфические черты, проявляющиеся не только в системе количественных показателей, но и в степени развитости нормативно-правовой базы, уровень подготовки кадров, развитость инфраструктуры и многое другое. Поэтому сравнивая региональные программы сохранения историко-культурного наследия, следует говорить об условиях реализации памятникоохранительной деятельности на местах, то есть о тех факторах, которые непосредственно влияют на ее осуществление.

Реализация программ по сохранению культурно-исторического наследия в той или иной степени разрабатываются в культурной политике на федеральном и региональном уровнях. В России федеральное законодательство утверждает равное достоинство всех культур и их право на самовыражение, федеральные власти демонстрируют стремление поддерживать разнообразие и культурный плюрализм. Развитие национальных культур и культур этнических групп рассматривается как один из приоритетов Министерства культуры Российской Федерации, и целевые программы предусматривают в этом плане целую серию акций по их поддержке».

В настоящее время на Юге России действуют следующие целевые программы сохранения историко-культурного наследия (см. Таблицу 1).

**Региональные программы сохранения культурного наследия
в субъектах Юга России**

<i>№ п/п</i>	<i>Субъект федерации</i>	<i>Программа</i>
1	2	3
<i>Южный федеральный округ</i>		
1.	Республика Адыгея	Ведомственная целевая программа «Сохранение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) Республики Адыгея» на 2014–2016 гг.»
2.	Республика Калмыкия	Государственная программа «Развитие культуры и туризма Республики Калмыкия на 2013–2017 гг.» Подпрограмма 3: «Обеспечение сохранности историко-культурного наследия»
3.	Краснодарский край	Ведомственная целевая программа «Сохранение культурного наследия Краснодарского края на 2013–2015 гг.» (с января 2014 г. отменена, как не вошедшая ни в одну из Государственных программ Краснодарского края)
		Долгосрочная краевая целевая программа «Краснодару – столичный облик»
		Долгосрочная краевая целевая программа «Сохранение и воссоздание объектов культурного наследия культового назначения и поддержка социально ориентированных религиозных организаций в Краснодарском крае на 2012–2016 гг.»
4.	Астраханская область	Областная целевая программа «Развитие культуры и сохранение культурного наследия Астраханской области на 2014–2018 гг.»
5.	Волгоградская область	Ведомственная целевая программа «Сохранение, использование, популяризация и государственная охрана объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) Волгоградской области» на 2012–2014 гг.»
6.	Ростовская область	Областная целевая программа «Развитие культуры и туризма» на 2014–2020 гг.» Подпрограмма: «Сохранение культурного наследия»
<i>Северо-Кавказский федеральный округ</i>		
7.	Республика Дагестан	Региональная целевая программа «Сохранение, использование, популяризация и государственная охрана объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), расположенных на территории Республики Дагестан, на 2011–2016 гг.»

8.	Республика Ингушетия	Государственная программа «Культура Ингушетии» Подпрограмма 5: «Сохранение и развитие особо ценных объектов историко-культурного (археологического) наследия Республики Ингушетия на 2014–2016 гг.»
9.	Кабардино-Балкарская Республика:	Государственная программа «Культура Кабардино-Балкарии» на 2013–2017 гг.» Подпрограмма: «Сохранение культурного наследия»)
10.	Карачаево-Черкесская Республика	Региональная целевая программа «Сохранность и реконструкция военно-мемориальных комплексов в 2012–2015 гг.»
11.	Республика Северная Осетия-Алания	Государственная программа «Развитие культуры Республики Северная Осетия-Алания на 2014–2018 гг.» Подпрограмма 3: «Сохранение объектов культурного наследия и ремонт военно-мемориальных объектов Республики Северная Осетия-Алания на 2014–2018 гг.»
12.	Чеченская Республика	Государственная программа «Развитие культуры и туризма в Чеченской Республике» на 2014–2018 гг.» Раздел: «Мероприятия по мониторингу современного состояния, сохранению и популяризации памятников историко-культурного наследия»
13.	Ставропольский край	Государственная программа «Сохранение и развитие культуры»

Главными целями всех названных программ является сохранение культурно-исторического наследия территорий и обеспечение доступа граждан к культурным ценностям. Анализируя главные цели, задачи, важнейшие целевые показатели Программ, основные составляющие, определяющие содержание и ведущие направления сохранения культурно-исторического наследия регионов Юга России и факторы, влияющие на формирование этой деятельности, отметим, что данное направление культурной политики активно вошло в правовое поле регионального нормотворчества.

Между тем на этом пути имеется ряд сложностей, лежащих, прежде всего, в плоскости определения приоритетов, поиска оптимальной модели охраны историко-культурного наследия. Во многом данный процесс сдерживается отсутствием Стратегии

государственной культурной политики, что затрудняет поиск оптимальной модели сохранения историко-культурного наследия. В проекте Стратегии Государственной культурной политики, который сейчас активно обсуждается в научном сообществе, дана такая оценка состоянию дел в этом вопросе: «Наследие «не работает» на преемственность эстетических, этических и нравственных ценностей; оно остаётся незамеченным для большинства людей, даже проживающих в непосредственной близости от памятников. Транслируемые памятниками ценности и смыслы не наследуются, не осваиваются и не включаются в ценностную картину мира граждан России. Памятник вступает в контакт почти исключительно с хранителями и экспертами, либо с иностранными туристами, он не включён в живой образовательный, профессиональный, творческий, досуговый, внутренний туристический

ческий оборот, не задействован в локальных культурных проектах» [16].

В реализацию вопросов популяризации памятников истории и культуры активно включились регионы Юга России, которые уникальны по своей этнокультурной специфике и культурно-историческому наследию, что синонимично отсутствию единой схемы решения этих проблем.

Исследованием региональных программ и моделей культурной политики в регионах занимался ряд специалистов, были защищены диссертации по данной проблематике, ими были указаны особенности формирования политики в сфере сохранения историко-культурного наследия, были определены ее приоритеты (см: [1] [4] [6] [7] [8] [11] [15] [18] [19]).

Одной из сложных исследовательских задач при проведении сравнительного анализа региональных программ сохранения культурно-исторического наследия становится операционализация самого понятия «культурно-историческое наследие».

Под этим термином в официальных документах понимается совокупность предметов, явлений и произведений, имеющих культурную ценность. Культурное наследие включает в себя материальное культурное наследие (здания и сооружения, образцы инженерных, технических решений, градостроительные объекты, памятники промышленной архитектуры, исторические и культурные ландшафты, археологические памятники, монументы, скульптурные памятники, мемориальные сооружения и т. д., произведения изобразительного, прикладного и народного искусства, документы, книги, фотографии – все предметы материального мира, сохраняющие представление об особенностях жизни людей в прошедшие эпохи) и нематериальное культурное наследие (языки и диалекты, традиции, обычаи и верования, фольклор, традиционные уклады жизни и представления об устройстве мира народов и этнических групп, русская литература и литература народов России, музыкальное, театральное, кинематографическое наследие, созданная в стране система подготовки творческих кадров).

Если исходить из данного понимания культурного наследия, то совершенно очевидно, что органами государственной вла-

сти субъектов, формирующими региональные целевые программы по его сохранению, опускаются многие вопросы и, прежде всего, проблемы, связанные с нематериальным культурным наследием, поскольку основные затратные и организационные мероприятия, отраженные в программах, приходятся на объекты материального культурного наследия.

Вместе с тем недооценка внимания к самобытной этнической традиционной культуре, богатейшему фольклору, на наш взгляд, есть серьезное упущение разработчиков региональных программ. Исследователь А. С. Халилова отмечает, что в Дагестане наличие деструктивных элементов среди населения приводило к осложнению этнополитической ситуации в республике. В этих условиях для повышения уровня патриотизма у молодежи, разрядки межэтнической напряженности и формирования общедагестанской идентичности проводились мероприятия с использованием богатого опыта художественных традиций и нематериального культурного наследия народов Дагестана. Их интеграция в современную дагестанскую культурную политику дала заряд огромной воспитательной ценности и нравственный ориентир для молодежи [18].

Анализ региональных программ показывает, что органы государственной власти регионов и местного самоуправления устанавливают определенный порядок, который фиксирует суть работы по сохранению культурного наследия. Поэтому в основных программных документах превалирует в основном набор одних и тех же целей, задач, целевых показателей, объемы финансирования и ожидаемые результаты реализации программ, что создает некую их статичность.

Основой формирования программ сохранения культурного наследия является идеология. Ряд регионоведов считают, что в настоящее время региональные идеологии на Юге России занимает важное место в самоидентификации и в самоорганизации территориального сообщества, включая элиту, в ее взаимодействии с населением и федеральным центром. В условиях отсутствия государственной идеологии и общенациональной идеи сформировалась целая совокупность идеологических стереотипов местного значения. Попытка официальной власти блокировать

становление общероссийской идеологии на практике обернулась крайней идеологизацией социокультурного пространства регионов. В стремлении минимизировать идеологическую составляющую социальных изменений была достигнута совершенно противоположная цель – все сферы общественных отношений приобрели идеологическую доминанту, но только прикладного характера [14, с. 176, 177].

Идеологические ориентиры целевых программ сохранения культурного наследия в целом отвергают такие понятия как этноцентризм, ассимиляционная или изоляционная политика сохранения культурного наследия. Вместе с тем огромный потенциал исторической памяти, влияющий на формирование политики сохранения культурно-исторического наследия, продолжает играть важную роль. Исторический опыт непосредственно связан с идеологией, так как историческая память зачастую формирует ценностную систему координат [12, с. 50].

К сожалению, на современном этапе развития российской государственности исторические памятники прошлого, особенно недавнего прошлого, не всегда и не везде на Северном Кавказе (впрочем и в России), воспринимаются одинаково. Политизированность общества, резкое ухудшение социально-экономической обстановки отнюдь не способствует однозначно благоприятному восприятию возрождаемых памятников былой истории. К примеру, восстановление части символики дореволюционной России наталкивается на откровенное нежелание ее восприятия в качестве «обязательной» для всех. Причина этого коренится не только в существующем расколе общества по политическим мотивам – неприятие ее вызывается и тем, что в условиях многонационального региона одни и те же символы, идеалы, просто скульптурные объекты вызывают обратную реакцию. Особенно это актуально для тех регионов, где массированная пропаганда «национальных» версий исторического процесса осуществляется представителями наиболее пассионарно настроенной научной интеллигенции. И наоборот – идеалы и критерии «исторических памятников», предлагаемые ими, нередко не имеют шансов стать общесе-

верокавказскими, общероссийскими и даже национальными.

Ситуация возникает непростая, но возникает она уже сегодня, при этом ее «отправной точкой» являются все те же «исторические памятники». Если пояснять подобные ситуации на примерах, то следует вспомнить события 1990-х гг. На фоне противодействия «коммунистической идее», во многих регионах были свергнуты (в прямом смысле этого слова) памятники В. И. Ленину, деятелям советского государства, что по большому счету (хотя трудно считать сами действия правильными), понятно. Однако, в целом ряде аулов, где преобладающе или компактно проживают ногайцы, сносу подверглись не памятники Ленину, а А. В. Суворову. Тем самым была удовлетворена (на тот момент) «месть» действиям Суворова на Кубани, осуществлявшимся им в XVIII столетии. В других уголках региона (например – г. Грозный) аналогичным действиям подверглись памятники, памятные места, мемориальные доски, связанные с деятельностью А. П. Ермолова. Можно приводить и другие подобные примеры, вызывавшие у части населения Северного Кавказа неоднозначную реакцию, оценивавшиеся по большей мере как «варварство» и «кощунство». Хотя находились и те, кто приводил аргументы в пользу совершаемого.

В связи с этим интересна сама конфликтная ситуация, возникшая на основе отношения к историческим памятникам и длительное время вызревавшая в недрах «национально-культурного сознания». Решение подобных ситуаций – дело не простое. В то же время, ныне наглядно проявляется тенденция, в рамках которой предлагается в качестве чуть ли не общекавказских памятников истории совершенно иные ценности (памятники), к примеру, попытка апелляции к фигуре Шамиля, который, как утверждают многие, является общенациональным героем всего Северного Кавказа, следовательно, этот «статус» должен быть увековечен в соответствующих исторических памятниках.

Осознавая дискуссионность этого и подобных утверждений, невольно вспоминаешь размышления французского историка – Марко Ферро, изложенные в его книге: «Как рассказывают детям историю в разных школах

мира» [17]. В ней исследователь приводит многочисленные и по сути своей аналогичные примеры, отмеченные им в разных уголках земного шара. Они поучительны и определяют четкое осознание того, что у каждой нации, каждого народа есть свои национальные герои, есть стремление их увековечить в самых разных проявлениях: от обширных разделов в «Историях...» государства, до многочисленных мемориалов и памятников. Каждый народ вправе ими гордиться. Но как выясняется, только права на гордость – мало. Государство, историки и все те, кто так или иначе связан с изучением исторического прошлого, его пропагандой должны мягко, но последовательно вмешиваться в указанные процессы и целенаправленно руководить ими. Руководить не для обострения отношений, а для воспитания терпимости к факту того, что соседний народ – другой. Но, обитая бок о бок с соседями, он также имеет право на свои собственные исторические памятники и историческую память. В условиях Юга России это особенно актуально. Трудно себе представить, что в современных населенных пунктах, где ныне проживают потомки тех, кто в драматические годы XIX в. участвовал в «Кавказской войне» по обе ее стороны, вдруг начнут увековечивать только «своих» героев, возводить только «свои» памятники...

Тем не менее, как это ни покажется парадоксальным, сегодня следует стремиться к тому, чтобы на одних и тех же памятниках истории воспитывать, научать людей понимать то, что мы живем в другое время, наступившее, кстати сказать, именно после тех самых драматических событий. Поэтому, мы, далекие потомки, должны быть объективны и на памятниках истории учиться пониманию прошлого, его оценке, но в то же время и осознанию тех причин, которые свели наших предков воедино в рамки одного государства, одной его административной или ландшафтно-географической среды. При таком отношении к памятникам истории и нашего общего прошлого у всех нас есть перспектива найти достойное место в нашей совместной истории всем легендарным личностям. В противном же случае, не извлекая уроков из прошлого, относясь к памятникам истории односторонне, избирательно, однобоко, мы будем обре-

чены повторять снова и снова ошибки наших предков [13, с. 165–170]. Все эти соображения, безусловно, должны приниматься в расчет органами государственной власти регионов при проектировании и реализации целевых программ сохранения культурного наследия должны учитывать историческую память народов.

Важным фактором, играющим существенную роль при формировании и эффективной реализации целевых программ, является финансирование. Все региональные программы Юга России по сохранению культурного наследия финансируются, исходя из остаточного принципа, что делает осуществление запланированных мероприятий весьма проблематичным. Так, в Ростовской области недофинансирование сохранения объектов историко-культурного наследия стало одним из острых вопросов регионального культурного развития.

Данная проблема требует и соответствующих кадровых решений, поскольку сегодня на одного специалиста, задействованного в этой работе, приходится более 1000 объектов.

Выполнение ряда целевых программ (Ингушетия, Чечня) наталкивается на проблемы, связанные с труднодоступностью ряда горных территорий, где сосредоточены основные объекты материальной культуры вайнахских народов, в связи с включением их в зону пограничного контроля и ограничением доступа в эти районы [10].

Гармоничное сочетание охраны природы и историко-культурного потенциала, рекреационного использования территории и традиционной хозяйственной деятельности возможно при следующих условиях:

- минимальное количество землепользователей, хозяйственная деятельность которых несовместима со статусом уникальной территории;
- недопустимость коренного преобразования ландшафтов рассматриваемой территории;
- государственная поддержка деятельности существующих и создаваемых на данной территории предприятий всех форм собственности, в особенности если их деятельность направлена на сохранение, возрождение, туристское освоение памятников и их естественной

среды, воссоздание традиционного природопользования и бытового уклада [3, с. 19].

В рамках реализации целевых программ необходимо создание историко-этнографических музеев-заповедников, воссоздание в примыкавших к феодальным резиденциям оборонительно-жилых постройках этнографических деревень с комплексом туристско-экскурсионных услуг, предполагающих размещение в индивидуальных домах-гостиницах, восстановленных и функционирующих в духе традиционных «кунацких», проведение этнографических праздников, карнавалов, конных путешествий, посеще-

ние археологических и этнографических достопримечательных мест, восстановление и сохранение традиционной этнокультурной среды обитания народов региона, сохранение и возрождение традиционных народных промыслов: изготовление с целью реализации национальной одежды, войлочных и шерстяных изделий, продукции художественной деревообработки, художественной обработки металлов, камнеобработки, издание научной и научно-популярной литературы, привлечение (за счет этнографического, национально-го колорита) дополнительных значительных потоков туристов.

Использованная литература:

1. Абдулаева М. Ш. Современный потенциал и новые направления развития культуры Дагестана (2010-е гг.) // Теория и практика общественного развития. 2012. № 4. С. 214–217.

2. Астафьева О. Н. Культурная политика: теоретическое понятие и управленческая деятельность. Лекция 6. Приоритеты региональной культурной политики [Электронный ресурс] // Культурологический журнал. 2011. № 2. URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/73.html&j_id=6 (дата обращения 03.11.15).

3. Атабиев Б. Х. Охрана объектов культурного наследия в Республике Адыгея, Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской Республиках (практика и перспективы) // Культура: управление, экономика, право. 2010. № 3. С. 15–19.

4. Базиева Г. Д. Культурная политика России на Северном Кавказе (на примере Кабардино-Балкарии) // Вопросы культурологии. 2007. № 12. С. 42–44.

5. Востряков Л. Е. Культурная политика: основные концепции и модели. [Электронный ресурс] // Культура Архангельской области. URL: <http://www.culture29.ru/upload/medialibrary/0bf/0bfb4cb9753cded37c6339eae422bbc7.pdf> (дата обращения 03.11.15).

6. Евдокимова Е. В. Природное и историко-культурное наследие в региональном развитии (на примере Смоленской области): дис.... канд. географ. наук. М., 2002.

7. Зайцева Г. А., Фризин Н. Н. Программно-целевой подход к сохранению культурного наследия Северо-Кавказского федерального округа [Электронный ресурс] // Экокультура. URL: <http://www.ecokultura.ru/wp-content/uploads/2014/02/статья-Г.А.Зайцевой-и-Н.Н.Фризина.pdf> (дата обращения 03.11.15).

8. Ильясова З. К. Традиционная культура в контексте приоритетов региональной культурной политики Республики Дагестан // Молодой ученый. 2015. № 17. С. 515–518.

9. Конвенция об охране Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО (принята в г. Париже 16.11.1972 на 17-ой сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО) [Электронный ресурс] // ЮНЕСКО. URL: <http://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf> (дата обращения 03.11.15).

References:

1. Abdulaeva, M. Sh., *Sovremennyy potentsial i novye napravleniya razvitiya kul'tury Dagestana (2010-e gody)* (Contemporary Potential and New Directions of Development of Culture of Dagestan (2010-ies)), *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2012, no. 4, pp. 214-217.

2. Astaf'eva, O. N., *Kul'turnaya politika: teoreticheskoe ponyatie i upravlencheskaya deyatel'nost'. Lektsiya 6. Prioritety regional'noy kul'turnoy politiki* (Cultural Policy: a Theoretical Concept and Management Activities. Lecture 6. Priorities of Regional Cultural Policy), *Kul'turologicheskiy zhurnal*, 2011, no. 2. http://www.cr-journal.ru/rus/journals/73.html&j_id=6. Accessed November 3, 2015.

3. Atabiev, B. Kh., *Okhrana ob'ektov kul'turnogo naslediya v Respublike Adygeya, Kabardino-Balkarskoy i Karachaevo-Cherkesskoy Respublikakh* (praktika i perspektivy) (Protection of Cultural Heritage in the Republic of Adygea, Kabardino-Balkaria and Karachay-Cherkess Republic (Practice and Perspectives)), *Kul'tura: upravlenie, ekonomika, pravo*, 2010, no. 3. pp. 15-19.

4. Bazieva, G. D., *Kul'turnaya politika Rossii na Severnom Kavkaze* (na primere Kabardino-Balkarii) (Cultural Policy of Russia in the North Caucasus: a Case Study of Kabardino-Balkaria), *Voprosy kul'turologii*, 2007, no. 12, pp. 42-44.

5. Vostryakov, L. E., *Kul'turnaya politika: osnovnye kontseptsii i modeli* (Cultural Policy: Basic Concepts and Models), in *Kul'tura Arkhangel'skoy oblasti*. <http://www.culture29.ru/upload/medialibrary/0bf/0bfb4cb9753cded37c6339eae422bbc7.pdf>. Accessed November 3, 2015.

6. Evdokimova, E. V., *Prirodnoe i istoriko-kul'turnoe nasledie v regional'nom razvitii* (na primere Smolenskoy oblasti) *Natural, Historical and Cultural Heritage in the Regional Development: a Case Study of the Smolensk Region*, *Cand. Sci. Dissertation (Geography)*, Moscow, 2002.

7. Zaytseva, G. A. and Frizin, N. N., *Programmno-tselevoy podkhod k sokhraneniyu kul'turnogo naslediya Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga* (Target-Oriented Approach to the Preserving of Cultural Heritage of the North Caucasus Federal District), *Ekokultura*. <http://www.ecokultura.ru/wp-content/uploads/2014/02/stat'ya-G.A.Zaytsevov-y-i-N.N.Frizina.pdf>. Accessed November 3, 2015.

10. Мальсагов А. А. Практика работы Министерства культуры Республики Ингушетия по сохранению объектов культурного наследия в горной части Республики Ингушетия: проблемы и пути их решения // *Культура: управление, экономика, право*. 2013. № 3. С. 28–30.
11. Миронова Т. Н. Сохранение природного и культурного наследия как императив культурной политики постиндустриального общества. Автореф. дис... канд. культурологии. М., 2000.
12. Мусин Д. А., Василенко Ю. В. Региональные модели этнокультурной политики как предмет сравнительного анализа // *ARS-ADMINISTRANDI*. 2010. № 1. С. 44–59.
13. Науменко В. Е., Нарожный Е. И. Основы регионоведения: (Северный Кавказ). Краснодар: Просвещение-Юг, 1999.
14. Регионоведение / отв. ред. Ю. Г. Волков. Ростов н/Д.: Феникс, 2002.
15. Свичкарь И. Г. Деятельность государственных органов власти и общественных организаций по сохранению историко-культурного наследия на Южном Урале в середине 1960-х – начале 2010-х гг. (по материалам Челябинской области): дис... канд. ист. наук. Челябинск, 2014.
16. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 г. Проект // Текущий Архив Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева.
17. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: Высшая школа, 1992.
18. Халилова А. С. Традиционное наследие в формировании культурной политики Республики Дагестан в 1993–2010 гг. // *Вестник Южного научного центра*. 2013. Т. 9. № 2. С. 95–99.
19. Хлыщева Е. В. Проблема сохранения культурного наследия в поликультурном регионе // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2012. Т. 73. Вып. № 9. 2012. С. 64–67.
20. Шульгин П. М. Уникальные территории в региональной политике (вместо введения) // *Уникальные территории в культурном и природном наследии регионов*. Сборник научных трудов. М.: Изд-во Рос. науч.-иссл. ин-та культ. и прир. наследия, 1994. С. 3–8.
8. Il'yasova, Z. K., Traditsionnaya kul'tura v kontekste prioritetrov regional'noy kul'turnoy politiki Respubliki Dagestan (Traditional Culture in the Context of the Priorities of the Regional Cultural Policy of the Republic of Dagestan), *Molodoy uchenyy*, 2015, no. 17, pp. 515-518.
9. Konventsiya ob okhrane Vsemirnogo kul'turnogo i prirodnogo naslediya YuNESKO (prinyata v gorode Parizhe 16.11.1972 na XVII sessii General'noy konferentsii YuNESKO) (Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage (Adopted in Paris on November 16, 1972 at the 17th Session of the UNESCO General Conference)), in *UNESCO*. <http://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf>. Accessed November 3, 2015.
10. Mal'sagov, A. A., Praktika raboty Ministerstva kul'tury Respubliki Ingushetiya po sokhraneniyu ob'ektov kul'turnogo naslediya v gornoy chasti Respubliki Ingushetiya: problemy i puti ikh resheniya (The Working Practice of the Ministry of Culture of the Republic of Ingushetia for the Preservation of Cultural Heritage in the Mountainous Part of the Republic of Ingushetia: Problems and Ways of Their Solution), *Kul'tura: upravlenie, ekonomika, pravo*, 2013, no. 3, pp. 28-30.
11. Mironova, T. N., Sokhranenie prirodnogo i kul'turnogo naslediya kak imperativ kul'turnoy politiki postindustrial'nogo obshchestva (Preservation of Natural and Cultural Heritage as an Imperative of the Cultural Policy of Post-Industrial Society), *Extended Abstract of Cand. Sci. Dissertation (Culturology)*, Moscow, 2000.
12. Musin, D. A. and Vasilenko, Yu. V., Regional'nye modeli etnokul'turnoy politiki kak predmet sravnitel'nogo analiza (Regional Model of Ethno-Cultural Policies as an Object of the Comparative Analysis), *ARS-ADMINISTRANDI*, 2010, no. 1, p. 44–59.
13. Naumenko, V. E., Narozhnyy, E. I., *Osnovy regionovedeniya: (Severnyy Kavkaz): uchebnoe posobie dlya gumanitarnykh vuzov* (Fundamentals of Regional Studies (North Caucasus): Training Manual for Humanitarian Universities), Krasnodar: Prosveshchenie-Yug, 1999.
14. *Regionovedenie* (Regional Studies), Volkov, Yu. G., Ed., Rostov-on-Don: Feniks, 2002.
15. Svichkar', I. G., *Deyatel'nost' gosudarstvennykh organov vlasti i obshchestvennykh organizatsiy po sokhraneniyu istoriko-kul'turnogo naslediya na Yuzhnogo Urale v seredine 1960-kh – nachale 2010-kh gg. (po materialam Chelyabinskoy oblasti)* (Activities of Public Authorities and Public Organizations to Preserve the Historical and Cultural Heritage of the Southern Urals in the Middle of the 1960s – the early 2010s.: a Case Study of the Chelyabinsk Region), *Extended Abstract of Cand. Sci. Dissertation (History)*, Chelyabinsk, 2014.
16. Strategiya gosudarstvennoy kul'turnoy politiki na period do 2030 g. Proekt (The Strategy of the State Cultural Policy for the Period up to 2030), *Tekushchiy Arkhiv Yuzhnogo filiala Rossiyskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kul'turnogo i prirodnogo naslediya imeni D. S. Likhacheva*.
17. Ferro, M., *Kak rasskazyvayut istoriyu detyam v raznykh stranakh mira* (How the Past Is Taught to Children), Moscow: Vysshaya shkola, 1992.
18. Khalilova, A. S., Traditsionnoe nasledie v formirovanii kul'turnoy politiki Respubliki Dagestan v 1993–2010 godakh (Traditional Heritage in the Formation of Cultural Policy of the Republic of Dagestan in 1993-2010),

Vestnik Yuzhnogo nauchnogo tsentra, 2013, vol. 9, no. 2, pp. 95–99.

19. Khlyshcheva, E. V., Problema sokhraneniya kul'turnogo naslediya v polikul'turnom regione (The Problem of Preservation of Cultural Heritage in a Multicultural Region), *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2012, vol. 73, no. 9, pp. 64–67.

20. Shul'gin, P. M., Unikal'nye territorii v regional'noy politike (vmesto vvedeniya) (Unique Territories in the Regional Policy (Instead of a Foreword)), in *Unikal'nye territorii v kul'turnom i prirodnom nasledii regionov: proceedings*, Moscow: Izdatel'stvo Rossiyskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kul'turnogo i prirodnogo naslediya, 1994, p. 3–8.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Науменко, В. Е. Региональные программы сохранения историко-культурного наследия Юга России: учет особенностей [Электронный ресурс] / В. Е. Науменко // Наследие веков. – 2015. – № 4. – С. 24–33. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Naumenko.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Naumenko, V. E., Regional'nye programmy sokhraneniya istoriko-kul'turnogo naslediya Yuga Rossii: uchet osobennostey (Regional Programs for the Preservation of the Historical and Cultural Heritage in the Southern Russia: Accounting the Features), *Nasledie Vekov*, 2015, no. 4, pp. 24–33. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Naumenko.pdf. Accessed Month DD, YYYY.